

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917 – 1991)**

В. А. Овчинников

**TO THE QUESTION OF PERIODIZATION IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN SIBERIA IN THE SOVIET PERIOD (1917 – 1991)**

V. A. Ovchinnikov

В статье автором проанализированы существующие в историографии подходы к периодизации Русской Православной Церкви в советское время и предложена собственная периодизация истории Церкви в Сибири в 1917 – 1991 гг. На основе критериев: изменение государственной конфессиональной политики, количественных и качественных характеристик внутренней жизни и организационно-управленческой структуры РПЦ – выделены и охарактеризованы девять этапов сибирской церковной истории в рамках советского периода.

The author analyzes the existing historiographic approaches to periodization of the Russian Orthodox Church in the Soviet period and suggests a periodization of the history of the Church in Siberia in 1917 – 1991. Basing on the criteria of the change of state religious policy, and quantitative and qualitative characteristics of the inner life and management and organizational structure of the Russian Orthodox Church, the author identifies and characterizes nine stages of the Siberian church history within the Soviet period.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, государственная конфессиональная политика, советский период.

Keywords: Russian Orthodox Church, church-state relations, public confessional policy, Soviet period.

В настоящее время в профессиональном историческом сообществе существуют различные подходы как к периодизации истории Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в советское время, так и к периодизации конфессиональной политики советского государства. Осложняет ситуацию то, что практически не существует обобщающих работ, охватывающих историю РПЦ XX – начала XXI вв.

Как правило, историки – представители РПЦ связывают периоды и этапы в развитии Церкви со сменой первосвятителей, возглавлявших РПЦ, или датами проведения поместных и архиерейских соборов, наиболее значимыми деяниями патриархов [46, с. 8]. Светские историки подходят к периодизации истории РПЦ исходя из изменений конфессиональной политики советского государства, переломных этапов в истории государства и общества. Так, М. В. Шкаровский считает, что церковная политика есть составляющая внутренней политики власти и Церковь никогда не отделяла себя от интересов общества [49, с. 8].

Излишнее дробление истории РПЦ рядом специалистов на малые периоды, основываясь на незначительных колебаниях государственно-церковных отношений, подверглось критике со стороны Т. Г. Леонтьевой, И. И. Масловой [27; 28, с. 465]. Исследователи совершенно справедливо указывают на то, что дробление истории РПЦ на малые периоды носит условный характер и преувеличивает степень неустойчивости государственно-церковных отношений. Данную позицию, которая заключается в том, что дробная периодизация «размывает контуры конфессиональной политики» и затрудняет понимание эволюции государственно-церковных отношений с учетом не только политических, но и социально-экономических факторов, разделяют и Ю. В. Гераськин, А. Ю. Михайлов-

ский [16]. Спорным, по нашему мнению, является также региональный подход к периодизации истории РПЦ сторонниками которого являются: О. Б. Молодов, утверждающий, что «...существование региональных моделей государственно-конфессиональных отношений, отличающихся особенными чертами от общегосударственной модели ставит перед современными историками задачу выявления и обоснования границ исследования, опираясь на объективные данные по конкретной республике или епархии» [29, с. 209]; А. В. Дулов, А. П. Санников, которые считают: «Периодизация церковной жизни, как и периодизация истории отдельных территорий страны, или отдельных сфер ее жизни, по мнению авторов, не обязательно должна воспроизводить периодизацию истории России в целом» [21].

Обосновывая собственный подход к периодизации истории РПЦ в Сибири, уточню соотношение понятий «период» и «этап», а также основные положения концепции периодизации. Периодизация истории – систематизация, заключающаяся в делении исторического процесса на определенные хронологические периоды. В нашем исследовании под периодом понимается длительная фаза развития российского общества, имеющая отличительные особенности, определяемые на основании политических и социально-экономических критериев. Поэтому следует выделить как отдельный период истории Церкви – «РПЦ в советский период», исходя из целесообразности анализа хронологически «развернутых» исторических периодов и применения критерия: смена политической и социально-экономической модели развития, что привело к значительной трансформации внутренней жизни РПЦ и государственно-церковных отношений. В рамках периода необходимо выделить самостоятель-

ные этапы на основе следующих критериев: «колебания» государственно-церковных отношений, изменение количественных и качественных характеристик жизни РПЦ (число верующих, число храмов, количественный и качественный состав священнослужителей и др.). Региональная специфика должна быть отражена при выделении и характеристике этапов в рамках периода. При этом хронологические рамки этапов, выделенных на основе изменения общероссийских характеристик, могут не совпадать с границами этапов истории РПЦ в отдельных регионах. Например, из-за более позднего установления советской власти в Сибири по сравнению с европейской частью России этап гонений на РПЦ начался в регионе с значительным отставанием.

Приведем несколько предлагаемых исследователями периодизаций истории РПЦ советского периода. В. Цыпин, обозначая ряд рубежных дат: 1922, 1929, 1943, 1961, 1988, 1991 гг., в соответствии с традицией выделил время патриаршества Тихона (1917 – 1925), время местоблюстительства патриаршего престола митрополита Петра (1925), этап, когда звание местоблюстителя оставалось за митрополитом Петром, а реальной властью обладал заместитель местоблюстителя митрополит Сергей (с 1925 г. до 1936 г.), местоблюстительство митрополита Сергия (1936 – 1943), патриаршество Сергия (1943 – 1944), патриаршество Алексея I (1945 – 1970), патриаршество Пимена (1971 – 1990) [46, с. 8].

Ю. В. Гераськин, А. Ю. Михайловский предлагают в «истории государственно-церковных отношений в СССР, начиная с довоенного периода» выделить следующие этапы: конец 1930-х – конец 1950-х гг., конец 1950-х – конец 1970-х гг., конец 1970-х – 1991 г. [16]. Спорным, на наш взгляд, является начальная точка периодизации и границы первого этапа, т. к. безусловно, что государственная конфессиональная политика и внутреннее состояние РПЦ претерпели за это время значительные изменения.

Критично проанализировав периодизации, которые предлагали Г. Штриккер (три этапа: 1917 – 1941, 1941 – 1953, 1953 – 1988), М. И. Одинцов (два периода: 1917 – 1941 и 1941 – 1985), А. Н. Кашеваров («ключевые» этапы: 1917 – 1920, 1929 – 1932, 1941 – 1945), М. Ю. Крапивин (Церковь и большевистская революция (1917 – 1920); религиозный НЭП (1921 – 1927); воинствующее безбожие и большевистский террор (1928 – 1941)), отметив их достоинства и недостатки, и признав «в целом удачной» периодизацию М. Ю. Крапивина, М. В. Шкаровский предложил более точную и подробную периодизацию [23; 25; 31]. Он с опорой на переломные этапы в истории государства и общества выделил следующие десять этапов изменения государственной политики по отношению к религиозным организациям: 1917 – 1920, 1921 – 1928, 1929 – 1938, 1939 – 1943, 1943 – 1948, 1948 – 1953, 1953 – 1958, 1958 – 1964, 1965 – 1988, 1988 – 1991 гг. [48, с. 4].

Предлагаемая нами периодизация истории РПЦ в Сибири в советский период в основном соотносится,

как с основными периодами истории Сибири и России в целом, так и с указанными выше периодизациями истории РПЦ и государственно-церковных отношений. В качестве основных критериев выделения этапов в рамках советского периода служат: изменение государственной конфессиональной политики, а вследствие взаимоотношений государства и Церкви, изменение количественных и качественных характеристик внутренней жизни и организационно-управленческой структуры. Нами выделены следующие девять этапов советского периода истории РПЦ в Сибири:

1. РПЦ в Сибири после октябрьской революции (осень 1917 – лето 1918).

2. РПЦ во время правления Временного Сибирского правительства и адмирала Колчака (лето 1918 – конец 1919).

3. Массовые гонения на РПЦ после восстановления советской власти в Сибири (1920 – 1921).

4. Этап относительной стабилизации, когда советское правительство отказалось от широкомасштабных репрессий против РПЦ, делая упор на ее развал путем поддержки обновленцев и других расколов (1922 – 1928).

5. Ужесточение репрессий против РПЦ в связи с коллективизацией и индустриализацией (1929 – 1939).

6. РПЦ перед началом и в первые годы Великой Отечественной войны (1939 – 1943).

7. Изменения в политике государства по отношению к РПЦ (1943 – конец 1940-х).

8. Ужесточение государственной политики по отношению к РПЦ (конец 1940-х – 1960-е).

9. Этап длительной стабилизации государственно-церковных отношений (1960-е – 1991).

После октября 1917 г. политика нового режима была направлена на полное уничтожение религии и церкви. В 1918 г. советским правительством был принят ряд декретов и постановлений, подорвавших позиции религиозных организаций и наиболее больно ударивших по РПЦ. Основным законом, определяющим конфессиональную политику советского государства, стал декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», который был опубликован 26 января 1918 г. Декрет лишал РПЦ всего движимого и недвижимого имущества, прекращал государственные субсидии. Религиозные организации, только зарегистрировавшись, могли получать по договору национализированные здания и предметы культа на условиях «бесплатного пользования».

25 января 1918 г. Поместный Собор РПЦ пришел к единогласному заключению, что имеет дело с актом открытого гонения на Церковь [35, с. 36 – 37]. Газета объединенного Барнаульского приходского совета «К свету» 18.05.1919 г. писала: «Декрет коммунистов об отделении Церкви от государства с точки зрения науки права совершенно ничтожен и даже бесконечно смехотворен. Но, если подойти к этому декрету со стороны его практического применения, то он весьма разрушителен для духовной культуры, и мы в свое время были свидетелями беспардонного поругания

святынь, закрытия Божьих храмов, издевательствами над служителями алтаря и так далее...» [26, с. 17].

Подчеркнем, что Церковь во главе с Патриархом применяла тактику пассивного сопротивления (крестные ходы, жалобы, коллективные обращения верующих), а на протяжении 1919 г. призвала духовенство не вмешиваться в кровавую политическую борьбу. Но на периферии бывшей империи духовенство и часть верующих были настроены более решительно и часто шли на открытое сопротивление новой власти. Сибирское духовенство, получив циркуляр с постановлением Патриарха и Синода, заняло позицию саботажа декрета. В сибирских епархиях повсеместно прошли собрания духовенства и верующих с обсуждением декрета «Об отделении церкви от государства». Общее мнение выразил Сибирский церковный Собор (февраль 1918 г.) в постановлении которого отмечалось:

1. Изданный Декрет – покушение на Православную Церковь и акт открытого гонения.

2. Всякое участие в проведении закона в жизнь несовместимо с принадлежностью к Церкви и карается вплоть до отлучения от нее.

В ответ власть применила силовые методы воздействия. Упор делался на обезглавливание РПЦ и ликвидацию ее экономического базиса. Волна погромов и убийств архиереев и священнослужителей прокатилась по всей России. Только за июль 1918 – январь 1919 гг. по неполным данным погибло около 30 архиереев, несколько тысяч представителей приходского духовенства и монашествующих.

В г. Новониколаевске в феврале 1918 г. было разграблено несколько церквей, иконы были убраны из общественных заведений. В марте после вооруженного столкновения исполком Новониколаевского совета ввел чрезвычайные меры. В г. Омске в начале февраля 1918 г. прошел крестный ход, архиепископ Сильвестр зачитывал у храмов послание Патриарха, в котором предавались анафеме гонители Церкви и веры. Попытки советской администрации разогнать крестный ход привели к вооруженному столкновению и введению в городе военного положения. В «Томском церковно-общественном вестнике» в марте 1918 г. писали: «Начавшиеся погромы помещичьих владений захватили и монастыри, часто с осквернением храмов, в народе растет неверие, солдаты кощунствуют и бесчинствуют...» [42]. Широко известным стало событие, произошедшее 24(11) мая 1918 г. в г. Томске, когда во время попытки реквизиции в Иоанно-Предтеченском монастыре, прибывший с отрядом солдат комиссар отдела по борьбе с контрреволюцией Томского совдепа (глава Томской ЧК) Д. И. Кривоносенко, был убит. Чтобы избежать репрессий епископ Анатолий обратился к власти и народу с призывом к миролюбию, взывая к справедливому расследованию [44, с. 5]. В результате пострадали ряд граждан и священник Николай Златомержев, расстрелянный 28 мая [41, с. 182 – 183]. От дальнейших расправ спасло восстание подполковника А. Н. Пепеляева 29 мая, свер-

жение советской власти белочехами в городе 31 мая 1918 г.

На Вербное воскресенье 15 (28) апреля 1918 г. состоялся крестный ход в Тобольске во главе с епископом Тобольским Гермогеном, которого через несколько дней арестовали. В ночь с 2 на 3 (15 – 16 июня) 1918 г. он был утоплен в р. Тобол. Смерть архиерея вызвала волну протестов по всей Сибири.

В результате белочешского мятежа летом 1918 г. советская власть в Сибири практически повсеместно пала. На этом на территории Сибири завершился первый этап реализации политики советского государства в отношении Церкви.

В течение периода правления Временного Сибирского правительства (июнь – ноябрь 1918 г.) и адмирала А. В. Колчака стала восстанавливаться жизнь православных приходов, и создана система церковного управления.

Гражданская война затрудняла связь епархиальных архиереев с Патриархом, поэтому епархии юга России и Сибири, находившиеся на территориях не подчиняющихся «красным», перешли на самоуправление. Так, в ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание, в котором участвовали 13 архиереев Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока и 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, находившихся на территориях, занятых войсками адмирала Колчака. Было образовано Высшее временное церковное управление (далее – ВВЦУ) во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским). Совещание постановило, что после прекращения своей деятельности ВВЦУ будет обязано дать отчет в своей деятельности Патриарху. В правительстве А. В. Колчака профессор Томского университета П. А. Прокошев был назначен главным управляющим по делам Вероисповеданий, планировалось создание министерства. Церкви были возвращены конфискованные ранее земли, в школы возвращено преподавание Закона Божьего. Был возобновлен принцип государственного содержания духовенства, оклады увеличены в 2,5 раза.

Неудивительно, что большинство священнослужителей на территории Сибири, подвергшись репрессиям со стороны советской власти, поддержали новый режим. Духовенство принимало участие в религиозно-патриотических мероприятиях: крестных ходах, молебнах и, как правило, в качестве воинских священников участвовали в боевых действиях. Были созданы дружины святого креста, в колчаковской армии полки «Иисуса», «Богородицы».

Необходимо отметить, что адмирала Колчака поддержало не все сибирское духовенство. Так, в декабре 1919 г. местное духовенство поддержало успешное восстание эсеров против существующего режима в г. Иркутск, но большинство священников продолжали выполнять свой пасторский долг, не втягиваясь в политическую борьбу.

Даже ВВЦУ, несмотря на общую поддержку А. В. Колчака, не поощряло вступление священников в открытую политическую войну и имело сложные от-

ношения с Сибирским правителем. В соответствии с его представлениями о государственно-теократическом управлении он пытался поставить ВВЦУ в подконтрольное положение, добиваясь признания его права на руководство в религиозно-церковной сфере. В результате непростых переговоров с руководством ВВЦУ сибирские иерархи провозгласили, что адмирал Колчак располагает Божьей благодатью и является «Главой Русской Церкви внебольшевистских пределов». В апреле 1919 г. на съезде духовенства в г. Омске за ним был закреплен титул «Главы Церкви».

В 1919 г. адмирал Колчак терпя военные неудачи, отходил вглубь Сибири. Вместе с ним отступила и часть духовенства. В декабре 1919 г. главное управление по делам вероисповеданий и ВВЦУ переместились в г. Иркутск. С падением власти Верховного правителя 20 января 1920 г. было ликвидировано ВВЦУ, архиепископ Сильвестр (Ольшанский) в 1920 г. скончался в заключении.

Окончание Гражданской войны и утверждение советской власти сопровождалось ростом гонений на представителей Церкви. Был арестован Патриарх Тихон. В Сибири уже с 1919 г. началось преследование священнослужителей, помогавших армии Колчака. В 1920 – 1922 гг. повсеместно в Сибири во исполнение декрета об отделении церкви от государства прошла реквизиция зданий, земли, капиталов и имущества.

Сибирское духовенство и верующие пытались противостоять произволу властей. Как и в центральной России, в Сибири проводились крестные ходы, подавались коллективные петиции в вышестоящие инстанции, создавались православные объединения. Так, в 1920 г. был создан «Окружной союз христианских общин» в г. Бийске, в г. Барнауле в 1918 – 1922 гг. действовал «Объединенный Барнаульский приходской совет», в г. Томске «Объединенный союз приходских общин».

Помимо ограничительных мер советской власти восстановлению жизни православных приходов мешало общее ухудшение материально-экономического положения региона, отсутствие священнослужителей. Большая часть сибирского священства погибла во время боевых действий, эмигрировала, была осуждена за помощь Колчаку. Недостаток кадров частично компенсировался за счет лиц духовного звания – беженцев из центральной России. Основная тяжесть возрождения приходов легла на плечи крестьянства, среди которого наблюдался рост религиозных настроений.

Наряду с регистрацией религиозных общин на правах двадцатки, что давало право на бесплатное пользование храмом и богослужебным имуществом, одним из способов сохранения религиозных общин являлась реорганизация в трудовые артели и коммуны с одобрения церковных иерархов, т. к. декрет о земле и «Основной закон о социализации земли» давали такую возможность. Несмотря на то, что НКЮ и НКЗ 30 марта 1919 г. издали циркуляры о строгом разделении объединенных хозяйств и религиозных объединений (последние не могли быть зарегистрированы

как хозяйственные объединения), в марте 1921 г. в Архангельской, Новгородской и Череповецкой губерниях существовало 43 подобных общины [47]. К марту 1921 г. из 400 действующих в 24 губерниях РСФСР монастырей в 116 были созданы артели и коммуны. В 1920 г. в Енисейском уезде из 8 зарегистрированных артелей 2 были созданы на базе закрытых монастырей [43, с. 70 – 75]. Монашеские общины бывшей Томской епархии РПЦ, сохранившиеся к 1920 г., действовали подобным способом. Насельники Томского монастыря создали сельскохозяйственную артель «Труд и братство», но уже в августе 1920 г. она была ликвидирована [11, л. 123; 45, с. 11].

17 декабря 1919 г. в г. Томске, началось преследование священнослужителей, помогавших армии Колчака. В 1920 г. прошла реквизиция зданий РПЦ, в т. ч. архиерейского дома, конфискованы постройки и земли Алексеевского монастыря [45, с. 10; 12, л. 319 – 321]. Декрет о реквизициях и конфискациях 22 апреля 1920 г. устанавливал правила для реквизиции и конфискации вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви) Для принятия чрезвычайных мер образовывалась особая комиссия в Губисполкоме [5, л. 86]. РПЦ пыталась укрыть святыни обителей во время кампании по вскрытию мощей на основе циркуляра Наркомюста от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей». По устным свидетельствам известно о вывозе в 1920 г. из Томского Алексеевского монастыря св. ковчега с частью гроба Господня и частицами св. мощей духовным сыном настоятеля монастыря [36, с. 7]. В начале XXI в. и. о. наместника монастыря иеромонахом Иннокентием (Ивановым) были обнаружены оклады, замурованные в перекрытии 2-го этажа кейного корпуса.

Следующий этап наступления на Церковь связан с голодом 1921 г. и появлением обновленческого раскола. Крупномасштабная акция изъятия церковных ценностей не только лишила Церковь богослужебной утвари, но и была направлена на ликвидацию духовенства.

В Сибири процесс изъятия ценностей отражал общероссийские тенденции, но его отличительной чертой стал относительно мирный характер на первом этапе (весна – середина лета 1922 г.), в отличие от центральной России. Этому способствовало:

1. Позиция местной власти, которая действовала осторожно и даже шла на возвращение необходимых для богослужения предметов в обмен на денежные средства.

2. Позиция сибирских архиереев и духовенства, которые обратились к священникам и верующим с обращениями и разослали инструкции по жертвованию церковных ценностей.

В августе 1921 г. патриарх Тихон обратился с призывом оказать помощь голодающим. Подобные воззвания были повторены епархиальным начальством. Томское епархиальное управление в мае 1922 г. обратилось к благочинным округов с просьбой об оказании помощи [13, л. 4 – 5 об.]. 7 апреля 1922 г. было напечатано воззвание епископа Иннокентия

(Соколова), который благословил паству на передачу церковных предметов государству для спасения погибающих [8, л. 86]. Представители власти действовали последовательно и осторожно. Так, в 1922 г. при осмотре Иоанно-Предтеченского монастыря снятие риз разрешили сделать по окончании Пасхальной недели, а икону «Достойной Божьей матери» как особо чтимую оставить [15, л. 30].

Изъятие церковных ценностей в Алтайской губернии, которое проводилось губернской комиссией в соответствии с п. 2 постановления ВЦИК от 15 февраля 1922 г., прошло достаточно спокойно [6, л. 4 об.]. С 10 марта по 12 апреля 1922 г. в г. Барнауле проводилось изъятие ценностей из домов религиозного культа: 109 риз весом 12 пудов 14 фунтов 30 золотников, 47 предметов церковного обихода [7, л. 42]. В анкете для регистрации служителей культа епископ Никита (Прибытков), проживающий в Бийском монастыре, на вопрос «Какое Ваше отношение к вопросу об изъятии церковных ценностей на дело помощи голодающим?», ответил: «Церковные ценности должны быть изъяты» [9, л. 40 об.].

Однако, с середины лета 1922 г. начался второй этап кампании, который проводился более жесткими методами, сопровождался насилием по отношению к духовенству и верующим. В результате власти встретились с сопротивлением. Отказы пустить комиссии по изъятию ценностей в церкви были зафиксированы в Мариинске, Барабинске и других городах. В сельской местности Алтая произошли волнения, избивание представителей советской власти [1]. Иркутское духовенство во главе с епископом Анатолием оказало сопротивление изъятию ценностей. Были случаи подобные делу настоятельницы Тобольского женского монастыря, которая была привлечена к суду за сокрытие икон и серебряной утвари [24, с. 95].

Многие церкви подверглись повторной конфискации, что сделало невозможным проведение богослужебных обрядов. В целом, церковные ценности были явно переоценены советским правительством. Общая сумма по стране в процессе изъятия составила 33 пуда, 32 фунта 86 золотников золота и 23997 пудов 23 фунта 24 золотника серебра. Доля небогатых сибирских церквей в ней была ничтожна мала – 2 пуда 3 фунта золота, 622 пуда 25 фунтов серебра, золотых монет на сумму 2298 руб., серебряных на сумму 16714 руб. Политический эффект от кампании был более значителен. За 1922 – 1923 гг. было отмечено 1414 столкновений верующих с властями, погибло более 10 тыс. священников и 6 монахов [2, с. 334]. По Сибири (в Томске, Омске, Иркутске) прокатились многочисленные судебные процессы над духовенством и церковными активистами, сопровождавшиеся пропагандистской кампанией.

К формам неявного сопротивления новой власти можно отнести поддержание народной веры в чудеса. Так, в 1920-е гг. в Томске неоднократно распространялись слухи о явлении тени старца Федора Кузьмича в Алексеевском монастыре, в результате чего народ стекался к монастырю и часовне на могиле [36, с. 8].

Одновременно с кампанией по изъятию церковных ценностей в 1922 г. в Сибири при активной поддержке советской власти начало распространяться обновленческое движение. В 1922 г., после ареста епископа Виктора (Богоявленского), церковная власть в Томске была захвачена обновленцами и наиболее значимые храмы были переданы им [14, л. 7, 18]. В сентябре 1922 г. на первом съезде обновленческого духовенства Сибири в г. Томске, был образован орган высшей церковной власти в Сибири – обновленческое Сибирское Церковное управление (далее – СибЦУ), его возглавил возведенный в сан митрополита всея Сибири священник Петр Блинов. Он стал первым в истории РПЦ женатым епископом, его хиротония вызвала крайне противоречивую реакцию в православном мире. Но не все приходы перешли под власть СибЦУ. Так, по причине того, что Томский Троицкий собор не примкнул к обновленческому направлению, Богородице-Алексеевский храм бывшего мужского монастыря стал местом служения обновленческого епископа Сергия (Дмитриевского), который, будучи женат, имел 8 детей [14, л. 18 – 26].

В сентябре 1922 г. в Новониколаевске возникла другая группировка обновленцев, создавшая Временное управление Сибирской митрополией. Путем компромисса удалось объединить СибЦУ и «Сибмитрополию» под председательством митрополита Петра Блинова и было создано Сибирское Областное Церковное Управление (далее – СибОЦУ) – ставшее высшим административно-исполнительным органом на территории Сибири, действующим вплоть до начала 1930-х гг. СибОЦУ формально находился в каноническом подчинении ВЦУ, фактически располагал широкой автономией. По мнению исследователей, временный успех обновленчества в Сибири был обусловлен: полной поддержкой со стороны советской власти, не осведомленностью духовенства и верующих о текущей церковной жизни, изоляцией и дезорганизацией высшего управления РПЦ. Считается, что наибольшего успеха обновленцы добились в Западной Сибири, где к лету 1923 г. заняли все архиерейские кафедры. В 1923 г. в 16 сибирских епархиях из 1382 приходов насчитывалось 866 обновленческих.

Во второй половине 1920-х гг. борьба между тихоновским и обновленческим направлениями в Сибири становилась все более острой, авторитет «Живой Церкви» падал, приходы массово переходили в каноническое подчинение местоблюстителю Патриаршего престола. Органы церковного управления обновленцев просуществовали в Сибири до начала 1930-х гг. и были ликвидированы в ходе очередного этапа уничтожения Церкви, связанного с проведением коллективизации. Отказ власти от поддержки обновленцев, политика массового уничтожения священства привела к преодолению разногласий между противоборствующими церковными направлениями. Обновленческий раскол стал примером неудачной попыткой советского государства подорвать Церковь изнутри.

Негативно отразилась на единстве Церкви смерть Патриарха Тихона в 1925 г. В январе 1926 г. при под-

держке ОГПУ под руководством екатеринбургского епископа Григория (Яцкова) был зарегистрирован Высший Временный Церковный Совет (далее – ВВЦС). Каноничность совета не признал заместитель местоблюстителя – митрополит Сергей. В Сибири прошли многочисленные собрания. Духовенство, не вполне понимая суть спора о канонической правомочности претензий на полноту церковной власти, вновь раскололось. В этих условиях многие сибирские епархии (Омская, Томская, Иркутская, часть приходов г. Красноярска) предпочли принцип автокефального управления с правом самостоятельного существования.

В основном сибирское духовенство негативно отнеслось к условиям легализации Церкви, обозначенным в Декларации 1927 г. митрополита Сергея. Большинство архиереев Западной Сибири перешло в 1928 г. на сторону епископа Григория. 9 июня 1928 г. в г. Томске состоялся «григорианский» съезд, на котором присутствовало 28 делегатов от всех епархий Сибири. Томский архиепископ Дмитрий (Беликов) был избран митрополитом Сибирским. В 1928 – 1928 гг. григорианство в Сибири получило широкое распространение, им принадлежало 1/3 всех приходов. К концу 1929 г. в Сибири противодействовали друг другу обновленцы и тихоновские группировки: сергианцы, григорианцы, автокефалисты. В Западной Сибири из более 2200 приходов примерно 34 % составляли обновленцы, 50 % сергианцы, 14 % григорианцы и 2 % автокефальные приходы. Борьба между ними, так же как в центральной России, стала затихать к началу 1930-х гг. с однозначным укреплением позиций митрополита Сергея.

В 1930 г. из зарегистрированных священно- и церковнослужителей г. Томска только 9 принадлежали к обновленческой ориентации, 14 ориентировались на архиепископа Сергея, 19 на архиепископа Григория [4, л. 1 – 2 об.]. В связи с тем, что к 1928 г. новая власть практически перестала делать ставку на обновленчество, то их храмы были закрыты в 1929 – 1930 гг. [15, л. 124 – 125].

В 1917 – 1930-е гг. на территории Сибири возникли и исчезали епархии староцерковнического, обновленческого и григорианского направлений [3, с. 1 – 7; 20, с. 7; 22, с. 7; 34, л. 1; 39, с. 3, 5; 40, с. 101 – 104; 51, с. 3]. Только на территории Алтая в конце 1920-х гг. существовало 5 епархий РПЦ: Барнаульская епархия староцерковников, Бийская епархия староцерковников, Алтайская епархия обновленцев (с резиденцией в г. Барнауле), Бийская епархия обновленцев, Каменская и Славгородская епархия обновленцев. В г. Томске также были сделаны попытки создать центр Сибирской митрополии, и здесь тоже сложились указанные три церковных направления. На территории Красноярского края в это время существовали Красноярская, Минусинская, Ачинская епархии, верные патриарху, две обновленческих и одна григорианская епархии. В феврале 1922 г. было учреждено Новониколаевское викариатство Томской епархии, но назначенный епископом Софроний (Арефьев) был

арестован в конце 1922 г. Это позволило обновленцам в 20-е гг. XX в. создать Сибирскую митрополию обновленцев с центром в г. Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирск) [30, с. 11]. Только после хиротонии в Москве в сентябре 1924 г. архим. Никифора (Асташевского) в епископа и учреждения с этого времени отдельной Новониколаевской епархии началось массовое возвращение духовенства и верующих из обновленческого раскола. Именно 1924 г. Новосибирская епархия отмечает как год основания епархии [38, с. 1].

В 1929 – 1939 гг., в связи с коллективизацией и индустриализацией, государство начался этап ужесточения репрессий против Церкви. Начавшееся с середины 1920-х гг. закрытие храмов по формальной причине плохого технического и санитарного состояния зданий, неуплату налогов, сопровождающееся преследованием духовенства и верующих в 1930-е гг., закончилось в начале 1940-х гг. полной ликвидацией последних храмов в Сибири.

В 1928 г. началась подготовка к широкомасштабным преобразованиям на селе, где угрозой для них составляли зажиточные крестьяне, сохранившие старый религиозный уклад. Было решено нанести удар по оставшимся религиозным общинам. В феврале 1929 г. был подписан указ ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы» [19]. В результате массового закрытия храмов, истребления значительной части духовенства и усиления атеистической пропаганды православных храмов в Сибири осталось настолько мало, что практически стерлась грань между различными течениями. Процесс массового закрытия церквей, снятия колоколов в Западной Сибири активизировался в 1934 г., с небольшим запозданием по сравнению с европейской частью России. Местные Советы получили приказ ликвидировать культовые здания в кратчайшие сроки, переоборудовать под клубы, зернохранилища. Массовое закрытие храмов прошло в 1929 г., когда было ликвидировано примерно 2/3 приходов в Барнаульской и Бийской епархиях. На 1.01.1936 г. по 100 районам Западно-Сибирского края, где до революции было 1518 молитвенных зданий, осталось незакрытых молитвенных зданий – 803, из них действующих – 374, бездействующих – 429. Процесс ликвидации храмов был усилен к концу 1930-х гг. По постановлениям Западно-Сибирского крайисполкома в 1931 – 1937 гг. было закрыто 185, в 1938 – 1939 гг. – 158 церквей [10, л. 1 – 23]. К началу Великой Отечественной войны все официально действующие православные приходы в Сибири были ликвидированы, за исключением кладбищенской Успенской церкви в Новосибирске.

Активное уничтожение остатков священнослужителей в СССР пришлось на 1937 г. [18; 50]. Руководствуясь оперативным приказом наркома НКВД от 30 июля 1937 г. № 00447 в стране началась операция по репрессированию «активных антисоветских элементов». Православное духовенство и верующие Сибири подверглись массовым репрессиям по обвинениям в контрреволюционной деятельности. Одним из

наиболее массовых по числу расстрелянных монашествующих было дело 1938 г. о церковно-монархической организации в г. Барнауле. Более мелкие группы проходили и по другим делам [33, с. 97, 108]. Иркутской епархии было проведено три масштабных операции в 1927, 1933, 1937 гг. По сфабрикованному делу только в 1937 г. было осуждено 115 человек, из них расстреляно 98 человек. В Красноярском крае в результате трех процессов 1937 – 1938 гг. было арестовано 74 человека, из них подверглись расстрелу 63 человека. В первую очередь удар наносился по иерархам Церкви, которые обвинялись в создании и руководстве контрреволюционными организациями, как епископ Красноярский А. А. Турский (1937), архиепископы Иркутские Анатолий (1924), Д. Прозоровский (1933), П. Павловский (1937). В Новосибирской епархии по «церковным делам» 1937 – 1938 гг. было арестовано и осуждено более 200 человек, в т. ч. архиепископ Сергей (Васильков), епископ Евфимий (Лапин). После расстрела в 1937 г. архиепископа Сергея (Василькова), назначенного на Новониколаевскую кафедру в мае 1935 г., вплоть до 1943 г. епархия оставалась без архиерейского управления [52, с. 2 – 3]. В результате массовых репрессий в 30-е гг. XX в. на территории Сибири в 1937 – 1942 гг. не осталось ни одного правящего архиерея.

Таким образом, в период становления тоталитарного режима в России в 1920 – 1930-е гг. государственная политика в отношении РПЦ не была последовательной. В зависимости от укрепления позиций советской власти на местах, развития законодательной базы менялась тактика действий власти при неизменном сохранении сущности антицерковной политики. Это в свою очередь влияло на изменение тактики борьбы за выживаемость РПЦ, пытавшейся приспособиться к новым социальным условиям. В Сибири антицерковная политика государства носила особые черты по сравнению с европейской частью страны, что было связано с более поздними сроками установления советской власти, отдаленностью региона от центра, обширными территориальными размерами и слабостью местных органов новой власти.

После наметившихся во время Великой Отечественной войны изменений в политике государства по отношению к РПЦ, в сибирских епархиях произошли серьезные изменения [3, с. 6 – 9; 20, с. 7 – 9; 32]. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. состоялась историческая встреча И. В. Сталина с руководством РПЦ, спустя четыре дня был собран Архиерейский Собор, на котором митрополит Сергей (Страгородский) был избран Патриархом Московским и всея Руси. 14 сентября 1943 г. было принято постановление СНК СССР об организации Совета по делам религии, в 1943 – 1946 гг. частично изменено религиозное право.

Данные изменения привели к постепенному организационному восстановлению Церкви в Сибири, где в это время широкое распространение получили «кочующие» священники-нелегалы, «самосвяты», когда религиозные обряды проводили сами верующие (даже женщины). Повсеместно появились «странни-

ки», «монахи в миру», «ворожеи». Небольшая часть приходов и священников действовала законспирировано.

Верующие с энтузиазмом встретили перемены религиозной политики государства. Так, в Алтайском крае, где движение за открытие церквей приобрело наиболее массовый характер, за 1944 – 1948 гг. было подано 289 ходатайств об открытии церквей. В Новосибирской области с осени 1943 г. по март 1948 г. – 157 заявлений из более чем 50 населенных пунктов. Большинство ходатайств по различным причинам не было удовлетворено государством, сдерживающим процесс увеличения церквей. Например, в Алтайском крае было открыто только 11 молитвенных зданий. В итоге в Сибири к 1947 г. было зарегистрировано только 101 православное общество, из них в Западной Сибири – 61. Для сравнения, только в одном Краснодарском крае в 1947 г. действовало 239 православных обществ.

Осенью 1942 г. с возведением в сан архиепископа Лука (Войно-Ясенецкий) был назначен на Красноярскую кафедру, которой управлял до конца 1943 г. Находившийся в 1937 – 1942 гг. в ссылке в Красноярском крае епископ Лука был весь этот период единственным архиереем в Сибири, который мог совершать св. таинства.

В 1943 г. управляющим Новосибирско-Барнаульской епархией с вверенным ему окормлением Омской, Тобольской, Иркутской и Красноярской был назначен архиепископ Варфоломей (Городцев). В 1946 г. на территории Сибири действовали три епархии: Омская и Тарская, Владивостокская и Хабаровская, Новосибирская и Барнаульская. В 1947 г. Омско-Тарскую епархию укрупнили и переименовали в Омско-Тюменскую, просуществовавшую до 1990 г. В 1947 г. были открыты епархии в Семипалатинске (упразднена в 1950 г.), Енисейске и Красноярске (упразднены в 1956 г.). В 1948 г. возобновила деятельность Иркутская епархия, под ее юрисдикцию вошли приходы упраздненной ранее Владивостокской и Хабаровской епархий.

Таким образом, епархиальные центры в Сибири послевоенного периода разместились в трех городах: Омске (Омско-Тюменская епархия), Иркутске (Иркутско-Читинская епархия) и Новосибирске (Новосибирско-Барнаульская епархия). Такое положение дел сохранилось вплоть до изменений в положении РПЦ в конце 1980-х гг.

В конце 1940-х – 1950-е гг. государственная политика по отношению к Церкви стала постепенно ужесточаться, что было связано с усилением значения религии в жизни граждан (произошло резкое увеличение числа венчаний, крещений, в т. ч. в семьях коммунистов). Были запрещены крестные ходы, ограничены разъезды духовенства и колокольный звон, начались незаконные закрытия храмов и аресты священнослужителей. В ходе «хрущевских гонений» на Церковь 1958 – 1964 гг. в Сибири было закрыто 33 церкви и молитвенных дома из 94 (35 % от общего количества) [17; 37].

В середине 1960-х – 1991 гг. происходит стабилизация государственно-церковных отношений. Государством упор делается на организацию научно-атеистической пропаганды, усиливается профилактическая деятельность спецслужб.

Как результат такой политики в Сибири активно стали развиваться иные религиозные течения и объединения. Помимо ислама, буддизма, иудаизма, старообрядческих течений, традиционных языческих верований в Сибири стали действовать католики, адвентисты седьмого дня, лютеране, евангельские христиане-баптисты, меннониты, пятидесятники, свидетели Иеговы.

В 1986 г. начался пересмотр политики советского руководства по отношению к РПЦ и другим религиозным организациям. Подготовка и празднование тысячелетия крещения Руси (1988 г.) способствовали быстрому росту приходов, передаче Церкви храмов, доступу священнослужителей к СМИ и т. д. Закон

1990 г. о свободе вероисповеданий также отразился на увеличении числа зарегистрированных общин. После смерти 3 мая 1990 г. Патриарха Пимена на Поместном Соборе РПЦ Патриархом был избран Алексей (Ридигер), под руководством которого Церковь пережила «ренессанс» в конце 1990-х – начале XXI в.

На территории Сибири произошли самые большие изменения в административно-территориальной структуре РПЦ в постсоветский период. Из трех существовавших на 1988 г. епархий (Омской, Новосибирской и Иркутской) было выделено 14 новых, а в Хабаровском крае возобновлена епархия, переданная «во временное управление» Иркутскому архиерею. Создание новых епархий было связано с интересами развития РПЦ, в т. ч. финансово-экономическим фактором, необходимостью приспособиться к государственному административному делению, противодействием религиозным организациям протестантского направления.

Литература

1. Белоглазов М. Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917 – 1925 гг.). Томск, 1992.
2. Васильева О. Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России. XI – XX века: исторические очерки. М., 2002. С. 332 – 342.
3. Венедикт, епископ. Краткий очерк истории сибирских епархий. 1620 – 1987. Режим доступа: <http://tmn.fio.ru/works/25x/302/1.htm>
4. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф.Р-10. Оп. 1. Д. 206.
5. ГААК. Ф.Р-10. Оп. 1. Д. 462.
6. ГААК. Ф. Р-10, Оп. 4. Д. 18.
7. ГААК. Ф.Р-10. Оп. 4. Д. 19.
8. ГААК. Ф.Р-10. Оп. 4. Д. 20.
9. ГААК. Ф.Р-690. Оп. 1. Д. 1.
10. ГААК. Ф.Р-1692. Оп. 1. Д. 1.
11. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф.Р-53. Оп. 1. Д. 14.
12. ГАТО. Ф.Р-53. Оп. 1. Д. 66.
13. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 371.
14. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 1. Д. 36.
15. ГАТО. Ф.Р-430. Оп. 1. Д. 37.
16. Гераськин Ю. В., Михайловский А. Ю. Проблема периодизации истории отношений советского государства и Русской православной церкви // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3(1). С. 110 – 122. (Серия: История).
17. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008.
18. Гришаев В. Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Бийск, 2007.
19. Дамаскин (Орловский), игумен. История Русской Православной Церкви в документах архива президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается: Спецвыпуск «Вестника архивиста». М., 2001. С. 82 – 84.
20. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (1917 – 1998 гг.). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999.
21. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. I, II. МИОН. Иркутск, 2006.
22. Жалсаарав А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII – XX столетий. Энциклопедический справочник. Улан-Удэ, 2001.
23. Кашеваров А. Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917 – 1945 гг. СПб, 1995.
24. Коголь Т. Н. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005.
25. Крапивин М. Ю. Противостояние: большевики и Церковь 1917 – 1941 гг. Волгоград, 1993.

26. Кривоносов Я. Е., Скворцова Т. В. Покровский кафедральный собор г. Барнаула (история и современность). Барнаул, 2004.
27. Леонтьева Т. Г., Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах) // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 162 – 164.
28. Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви (1953 – 1991): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
29. Молодов О. Б. К вопросу о периодизации истории государственно-церковных отношений в СССР во второй половине XX в. // Власть и общество в России: традиции и современность: материалы IV Всерос. науч. конф. 12 – 13 апреля 2008. Рязань, 2008. Т. 1.
30. Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск, 2006.
31. Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 29 – 71.
32. Официальный сайт Русской Православной Церкви. Режим доступа: http://www.mospat.ru/index.php?chp=_eparhies&cid=32. Яз. рус.
33. Павлов С. М. И наступит день... Очерки о политических репрессиях против церкви. Кемерово, 2003.
34. РГИА. Ф. 3661. Оп. 1. Д. 538.
35. Священный собор Православной Российской Церкви. 1917 – 1918 гг. Обзор деяния. Вторая сессия. М., 2001.
36. Скворцов Г. Хроника Казанского собора // Томские православные ведомости. 1993. № 1(23).
37. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40 – 60-е годы XX века. Томск, 2003.
38. Текущий архив Новосибирской епархии. Годовой отчет Новосибирской епархии за 1999 г.
39. Томские архиереи. Биографический словарь 1834 – 2002. С. А. Исаков, Н. М. Дмитриенко. Томск, 2002.
40. Томские епархиальные ведомости. 1917. № 6 – 7, офиц. часть.
41. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827 – 1939. Томск, 2001.
42. Томский церковно-общественный вестник. 1918. № 10.
43. Фаст Г., протоиерей. Енисейск православный. Красноярск, 1994.
44. Фаст М., священник, Фаст Н. П. Православная Церковь в Томске после Социалистической революции и в период гражданской войны // Томские православные ведомости. 1999. № 3(62) (март).
45. Фаст Михаил, священник, Фаст Н. П. Православная Церковь в Томске после Социалистической революции и в период гражданской войны. Продолжение // Томские Православные ведомости. 1999. № 4(63) (апрель).
46. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
47. Шкаровский М. В. Монастыри Северо-Западной России в 1920-1930-е годы // Церковь в истории России. Сб. 1. М., 1997. С. 87 – 189.
48. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010.
49. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в 1943 – 1964 гг.). М., 1999.
50. Эйнгорн И. Д. Религия, Церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917 – 1937). Томск, 1985.
51. Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870 – 1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск, 2003.
52. 75 лет Новосибирской епархии (1924 – 1999). Страницы истории. Новосибирск, 1999.

Информация об авторе:

Овчинников Владислав Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, проректор по науке Кузбасского регионального института развития профессионального образования, rcsib@rambler.ru.

Vladislav A. Ovchinnikov – Doctor of History, Professor; Vice-Rector for Science, Kuzbass Regional Institute for Development of Professional Education.

Статья поступила в редколлегию 31.12.2014 г.